

Платонизм: двусмысленность философии и истории философии

Научный руководитель – Ханова Полина Андреевна

Журавлев Михаил Дмитриевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: michelvermichelsky@gmail.com

Речь о двусмысленности философии и истории философии неизбежно подталкивается к тому, чтобы быть двусмысленной и порождать двусмысленности. Но простой жест утверждения однозначности, с другой стороны, чреват упущением неслучайного напряжения, которое делает из отношения философии и ее истории проблему. Приостанавливая работу двусмысленности, можно было бы поставить задачу установления того, идет ли речь о дисциплинах, либо о чем-то еще или о чем-то другом. Сосуществование дисциплин, то и дело обнаруживающее недостаточность интуитивного схватывания их различия, содержит, таким образом, некоторую непроясненность. Последняя может показаться знаком того, что, превосходя дисциплинарные режимы сосуществования философии и истории философии, делает возможным их сепарацию и автономию. Философия «неотделима» от своей истории, однако что это за происшествие – «образование» истории философии – не в смысле дисциплины, а в смысле того порядка, исследованию которого она себя посвящает – и исчерпываются ли последствия захваченности философии историей трудностями образовательного характера? Известно, что философия выходит из платоновской пещеры, приблизительно так же, как Моисей с евреями исходит из Египта. Однако, по всей видимости, в ее случае, блуждания затянулись еще сильнее. Поэтому мы не можем найти простого решение ни для того, чтобы порвать с платонизмом, ни для того, чтобы принять его. Не двусмысленность ли в этом виновата? Возможно, возврат к началу помог бы установить однозначность. И история помогает вернуться к началу, как полагают историки, укрошающие двусмысленность, записывая ее на счет позднего и произвольного. Так поступает образцовый историк философии Бугай. В своем «Единстве платоновского “Государства”» [1] он собирает селективную машину, отделяющую «само себя» философа от привнесенного извне. Отсылая к накрепко сделанному и скрепленному печатью здравого смысла смыслу задуманного, он показывает, что однозначность мысли Платона выражается в единстве замысла, отраженном в единстве композиции и пребывающем в согласии с самоинтерпретацией, обнаруживающей, к тому же, единство цели и средств ее достижения. Тем самым он изгоняет спекулянтов и романтиков из пространства аутентичного толкования. В числе последних – Хайдеггера с его «алетейей» [2]. Не оказывается ли хайдеггеровская философия чем-то вроде фикции, если «конститутивный» для ее герменевтической работы жест (усмотрение двусмысленности в понимании истины у Платона) принимается в качестве утопического, в том смысле, что в том пространстве, в котором он совершается – в пространстве истолкования мифа о пещере – для него попросту не находится места? Для того чтобы показать, каким образом Хайдеггер обнаруживает место для своей философской работы, достаточно увидеть, как хайдеггеровская мысль производит смещение в привычной ориентации в пространстве, поворачивая плоскость. Хайдеггер не ищет трещин в притче о пещере, сквозь которые просачивалась бы глубина и открывался вид на n-ное дно платоновской философии. Напротив, он обращается к самой поверхности мифологического изображения, его взгляд направлен на сочленение пространственных элементов мифа и на то, каким образом его нарратив или сказание

проходит эти сочленения. Разве произвол говорит тогда, когда выступание из мрака пещеры, в которой узники пребывают в заблуждении и неведении, в область Открытого, выход на поверхность, залитую ослепляющим светом Солнца, которому предпослан тернистый путь по скалистой тропе, трактуется как «вырывание из потаенности»? Произвол или «спекулятивный характер» хайдеггеровской интерпретации можно допустить лишь в той мере, в какой «форма мысли» является произвольной или всецело подчиненной тому, что эта мысль о себе думает. И наоборот, задача историка философии заключается в укрощении произвола философской мысли с помощью того, что составляет ее относительно надежную почву (исторический контекст, биография, культурный бэкграунд, пропозициональная структура философского высказывания и т.д.). Но не очевидно ли, что, для того, чтобы укрощать произвол, необходимо его допустить? Нам кажется, что различие философии и истории философии можно провести по ведомству специфически философской способности мыслить Случай, противостоящий как необходимости (или вероятности), так и произволу. Случай - подобный броску костей Малларме - задает принцип особого отбора истории, который не сводился бы к перечислению внешних детерминаций мысли, направленному на одомашнивание произвола, который история философия размещает в самом сердце своей дисциплинарной возможности.

Источники и литература

- 1) Бугай Д. Единство платоновского «Государства». Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016.
- 2) Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. // Учение Платона об истине.